

— Чистая правда, — вымолвил Чу Чжаохуай. — Мы с Ванъе — законные супруги. И пусть нам не суждено продолжить род, я, как и полагается, обязан преданно служить своему мужу.

Аньвэй едва не лишились чувств. Неужели им и впрямь приходится выслушивать подробности столь личного свойства?!

Инь Чжуншань и вовсе выпучил глаза, с нескрываемым потрясением взирая на Цзи Сюня.

«Ванъе! Столь дерзкое поведение — и вы до сих пор его не казнили?»

Но Цзи Сюнь не только не разгневался, он негромко рассмеялся. Легкий взмах руки — и воины, ощутив небывалое облегчение, поспешили скрыться.

Чу Чжаохуай перевел дух и, неловко барахтаясь, попытался сползти с кровати:

— Я проявил непочтительность, Ванъе, сейчас я... ох!

Цзи Сюнь внезапно перехватил его за лодыжку и, приложив совсем немного усилий, потянул назад. Юноша охнул от неожиданности и во все глаза уставился на него.

— Ты ведь сам желал быть ближе, — с усмешкой произнес Цзи Сюнь. — К чему же теперь такая спешка?

Чу Чжаохуай: «...»

Вид этого юноши, замершего подобно испуганному зверьку, доставлял Цзи Сюню истинное наслаждение. Взгляд князя потеплел, а холодные кончики пальцев медленно потянулись к повязке на лице супруга.

Цзи Сюня мало заботило, как выглядит его Ванфэй, но ему нравился голос юноши — певучий говор Цзяннани, в котором сквозила сладость меда. Его легко было напугать, и тогда в дрожащем шепоте слышалось нечто, пробуждающее темные инстинкты.

В душе князя шевельнулось почти неодолимое желание — разрушить, сломить. Так бывает, когда крошечная певчая птица на ладони вызывает слишком сильную привязанность: ее хочется сжать в кулаке, ощущая, как под пальцами гаснет хрупкая жизнь.

«Интересно, — мелькнула мрачная мысль, — если он узнает, кто я такой на самом деле... Будет ли он дрожать всем телом, захлебываясь слезами и моля о пощаде? Заставлю ли я его этим

срывающимся голосом повторить каждое слово из тех сплетен, что он сам и распустил...»

Внезапно Чу Чжаохуай, не проронив ни звука, подался вперед.

Рука Цзи Сюня замерла.

Тонкие руки юноши бережно обвили шею князя, а его тело, облаченное лишь в тонкую ночную сорочку, прижалось к нему — мягкое и легкое, словно облако.

Тьма, бушевавшая в глазах Цзи Сюня, мгновенно отступила, сменившись мимолетным замешательством.

Чу Чжаохуай, загнав сам себя в ловушку, не видел иного выхода: чтобы не выдать своих истинных намерений, ему пришлось идти до конца. В конце концов, они уже совершили обряд поклонения небу и земле. Не станет же Ванье забивать его до смерти за проявление чувств?

К счастью, князь, похоже, не испытывал отвращения — он не оттолкнул его, хоть и не проронив ни слова.

Чжаохуай облегченно выдохнул.

Оказавшись так близко, он почувствовал, что тело Цзи Сюня пышет неестественным жаром. Сердце собеседника колотилось подобно барабану, а дыхание на миг стало прерывистым.

«Сердцебиение очень частое, тело слишком горячее, пульс на шее бьется неистово, но... — лекарь внутри Чжаохуая сосредоточенно делал пометки, — кажется, есть некий застой в токе крови»

Но полной уверенности не было.

Пользуясь редкой возможностью, Чу Чжаохуай как бы невзначай прижался щекой к пульсирующей жилке на шее Цзи Сюня.

«Да, определенно застой. Девять из десяти — это действие яда»

Он хотел было прильнуть еще раз, чтобы убедиться окончательно, но князь наконец опомнился. Слегка сдавив талию юноши, он мягко, но решительно отстранил его.

Чу Чжаохуай покачнулся и откинулся назад. Ворот его одежд распахнулся, обнажая хрупкую шею и ослепительно белые ключицы.

Цзи Сюнь отвел взгляд и сухо обронил:

— Раз уж Ванфэй так жаждет близости, почему бы тебе не перебраться ко мне насовсем?

«Чтобы спать в ледяном склепе?» — тоскливо подумал Чжаохуай.

Даже одна ночь под тонким одеялом рядом с этим человеком могла стоить ему жизни.

— В последние дни я чувствую недомогание и совсем не переношу холод, — поспешно затараторил он. — Но как только окрепну, непременно разделю ложе с Ванъе.

Оправдание звучало донельзя неубедительно. Юноша уже приготовился выслушать очередную порцию язвительных замечаний, но князь лишь коротко хмыкнул:

— Что ж, тогда возвращайся в свою постель.

Ошеломленный такой легкостью, Чжаохуай поспешно соскочил с кровати и, бросив на ходу «тогда я пойду», босиком припустил к своему алькову.

Цзи Сюнь остался сидеть на ложе. Холодный ветер из окна всколыхнул рассыпавшиеся по плечам черные волосы. Совершенно бесстрастно он долго смотрел на мерцающее пламя свечи, а затем медленно коснулся рукой шеи.

Кровь кипела, кожа в том месте, где прижимался Чу Чжаохуай, казалась обжигающе горячей.

Внутри алькова царило тепло. Зарывшись в пуховые одеяла, Чжаохуай долго пытался успокоиться, но в голову лезли странные мысли.

«Почему Цзи Сюнь перестал улыбаться? Когда он убивает людей, с его лица не сходит усмешка, а тут вдруг посерьезнел. Еще и лицо такое ледяное, даже не взглянул на меня напоследок»

Неужели он и впрямь хотел, чтобы они спали вместе?

Юноша зябко передернул плечами и, поспешно прогнав эти пугающие догадки, постарался скорее уснуть.

На следующее утро Чу Чжаохуай вновь проснулся, когда солнце уже стояло высоко в зените. Он еще пребывал в той приятной полудреме, когда сон медленно отступает, как вдруг его

покой нарушил шум за дверью.

— Шицзы! Это спальня Ванфэй! Входить туда без дозволения против всяких правил! Если Ванье узнает...

— Он же не девица, какие еще правила? С дороги!

— Шицзы, нельзя!

Чу Чжаохуай, зевая, выглянул наружу.

В комнату, подобно всполоху яркого пламени, стремительно вошел Цзи И в своих вызывающе красных одеждах. Позади него, обливаясь потом, семенил дворецкий Чжао Бо. Не в силах сдержать гостя, он лишь виновато поклонился Ванфэй:

— Ванфэй, Шицзы прибыл.

Юный господин выглядел донельзя рассерженным. Должно быть, он долго пробыл на холоде: щеки и уши его пылали алым.

Чу Чжаохуай заставил себя взбодриться:

— Чем обязан вашему визиту, Шицзы?

Вчера он съел слишком много фениксовых апельсинов, и теперь голос его звучал слегка хрипло.

Цзи И смерил собеседника колючим взглядом.

У юноши екнуло сердце. Неужели в рецепте для Лян Фана закралась ошибка? С чего бы Шицзы выглядеть столь воинственно? Хотя нет, яд Лян Фана коварен, но даже если лекарство не поможет, оно никак не могло ухудшить состояние больного.

Пока он раздумывал, Цзи И хлопнул в ладоши.

В покои тут же вошли несколько плечистых стражников. Чу Чжаохуай мгновенно подобрался, готовясь к защите, но те лишь поставили на пол несколько тяжелых сундуков, которые приземлились с гулким стуком.

— Что это? — в недоумении спросил Чжаохуай.

— Фениксовые апельсины, — буркнул Цзи И, стараясь не смотреть на него. — Ты ведь их любишь? Я приказал доставить восемь ящичков — хватит до самого Праздника Фонарей.

Чу Чжаохуай: «?»

Апельсины, конечно, были чудо как хороши, но даже самая изысканная еда приедается. Вчера Цзи Сюнь прислал три ящичка, и к середине второго Чжаохуай уже начало подташнивать от одного их вида.

А теперь еще восемь?

— И что это должно значить, Шицзы? — нахмурился юноша.

Цзи И замялся, теребя нефритовый кулон на поясе. Прошло немало времени, прежде чем он, наконец, выдал глухим, смущенным голосом:

— Лян Фан выпил три чаши твоего варева и... и уже вовсю прыгает. Я... Шицзы... в общем, пришел поблагодарить тебя.

— Вот как? — отозвался Чу Чжаохуай без тени радости. В его голосе послышалась искренняя тревога: — Даже божественные эликсиры не действуют столь стремительно. Шицзы, вы уверены, что это не предсмертный всплеск сил?

Цзи И: «...»

Юноша битых полчаса мерил шагами двор, прежде чем набрался храбрости зайти и выразить признательность, а в ответ получил такое. Он вскипел:

— Просто прими дар и избавь меня от лишней болтовни!

Чжаохуай лишь вздохнул — ну какая же это болтовня.

Лицо Цзи И полыхало от смущения. Он неловко отвернулся:

— Раньше Лян Фан вечно ходил вялый, засыпал на ходу каждые четверть часа. А сегодня продержался больше двух часов кряду! Значит... значит, твое лекарство помогает.

Чу Чжаохуай искренне изумился:

— И это вы называете «вовсю прыгает»?

Цзи И, видя, что собеседник продолжает спорить, решил, что тот просто насмехается над ним. Гнев окончательно вытеснил смущение:

— Так ты берешь апельсины или нет?! Если не хочешь, я куплю тебе что-нибудь другое!

— Беру, — поспешно согласился Чжаохуай. — Пусть оставляют.

В конце концов, дареному коню в зубы не смотрят.

Цзи И едва заметно выдохнул, но румянец так и не сошел с его лица. Он упорно избегал смотреть на Ванфэй и, глядя куда-то в сторону, невнятно спросил:

— Твое искусство... кхм... вполне сносно. Скажи, кто ты вообще такой и откуда взялся?

— Это тайна, — лаконично ответил Чу Чжаохуай.

Юноша сердито фыркнул, а затем добавил:

— Тогда дай мне взглянуть на твое лицо!

Чжаохуай кашлянул и решил припугнуть гостя:

— Я безобразен. Лицо мое сплошь покрыто сыпью, пятнами да оспинами — зрелище не для слабонервных. Не хочу, чтобы Шицзы потом мучили кошмары.

Цзи И нахмурился, понимая, что тот снова несет чепуху, и перестал допытываться. Услышав же, какой у Чжаохуая охрипший голос, он буркнул:

— Ты заболел? В усадьбе полно превосходных снадобий, бери любые.

— Хм, — начал было Чу Чжаохуай, но Цзи И, словно внезапно опомнившись, подпрыгнул на месте:

— Да делай что хочешь! Мне-то какое дело! Я ухожу.

Чу Чжаохуай: «...»

«Ну и шумный же ребенок».

Цзи И пулей вылетел из комнаты, будто за ним гнались волки.

Из-за избытка апельсинов в горле першило, и аппетита у Чжаохуая совсем не было. Проводив гостя, он еще немного посидел в тишине, а затем начал одеваться.

Восемь огромных ящиков, громоздящихся посреди комнаты, занимали почти всё свободное место.

Чу Чжаохуай лениво заглянул в один из них, и глаза его тут же радостно заблестели.

Оказалось, Цзи И прислал не только фрукты. В четырех верхних ящиках под тонким слоем цитрусовых скрывалось целое состояние — золото и серебро, навскидку никак не меньше двадцати или даже тридцати тысяч лянов.

На крышке красовалась размашистая надпись: «Выигрыш за Малую ночь».

Чу Чжаохуай мгновенно повеселел, и все хвори как рукой сняло.

«А Шицзы-то знает толк в подарках».

Впрочем, юноша помнил, что в ту ночь выиграл чуть больше десяти тысяч. Откуда взялось остальное? Он не стал ломать голову, решив, что просто запомнил. Чжаохуай позвал Чжао Бо, чтобы тот помог перенести сокровища в альков, а один ящик с апельсинами, проявив небывалую щедрость, велел раздать слугам.

Дворецкий в очередной раз убедился: слухам верить нельзя. Ванфэй такой милый и послушный, разве похож он на того повесу, о котором болтают? Сплетни — истинный яд.

Чу Чжаохуай с превеликим удовольствием пересчитал деньги и, немного подумав, спросил:

— Где сейчас Ванье?

Чжао Бо радушно отозвался:

— Ванье покинул город еще до рассвета. Должно быть, отправился в охотничьи угодья.

Чжаохуай удивился:

— Он не поехал усмирять разбойников?

— Ванъе никогда не жаловал такие хлопотные дела, к тому же, когда их навязывает Его Величество — тут наверняка не обошлось без подвоха, — улыбнулся старик. — Раз Ванъе решил не ехать, значит, у него на то есть веские причины.

— Вот как.

Чжаохуай невольно задумался: неужели дворецкий в этом доме настолько простодушен, что вот так запросто обсуждает с ним интриги Императора?

В этот момент вошел слуга с докладом:

— Ванфэй, там у ворот вас спрашивают. Говорят, из усадьбы маркиза.

Чу Чжаохуай, не отрываясь от счета, поднял голову. Он будто ждал этого визита.

— Проси.

Вскоре Чжао Бо привел доверенного слугу из свиты Чу Цзина.

Тот сразу перешел к делу:

— Ванфэй, Хоуе велел передать вам...

Он не успел договорить, как Чжао Бо с вежливой улыбкой перебил его:

— Неужели в доме маркиза забыли о правилах приличия и не знают, что при встрече с Ванфэй положено совершать глубокий поклон?

Слуга осекся.

Чу Чжаохуай, облаченный в роскошное, отороченное лисьим мехом одеяние, величественно восседал во главе стола. Опустив взор, он неспешно прихлебывал чай, являя собой само воплощение изящества и благородства.

Всего за несколько дней Да-гунцзы, на которого в родном доме и смотреть-то не желали, превратился в особу столь высокого ранга. Посланник поколебался, но был вынужден пасть ниц:

— Приветствую Ванфэй.

Только тогда Чу Чжаохуай удостоил его взглядом, сохраняя невозмутимый вид:

— Что же велел передать мне Хоуе?

Слуга покосился на дворецкого, явно не желая говорить при посторонних.

Поняв намек, Чжаохуай кивнул:

— Чжао Бо, вы можете идти.

Старик, не задавая лишних вопросов, поклонился и вышел.

Когда они остались одни, посланник заговорил:

— Хоуе сказал, что за эти дни он подготовил личные вещи госпожи Бай. Он просит Да-гунцзы прибыть в усадьбу, чтобы осмотреть их.

<http://bllate.org/book/15341/1372783>